

ВЕРНОСТЬ ТРАДИЦИЯМ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ЧЕХОСЛОВАКИИ

РУССКОЕ СЛОВО

05 | 2018

ВОССТАВШИЙ ДОН
ПРОФЕССОР АЛЕКСЕЙ ЛОМШАКОВ
К 80-ЛЕТИЮ АНДРЕЯ АМАЛЬРИКА
ИСТОРИК ЯРОСЛАВ ВАЦУЛИК
ЗАГАДОЧНАЯ АВИАКАТАСТРОФА
ПАМЯТИ МИЛОША ФОРМАНА
МИР КНИГИ 2018

ПРАГА
МАЙ 1945 ГОДА

АЛЕКСАНДР И ДИНА МУРАТОВЫ

ВАЦЛАВ ВИТАЧЕК

ПЕРВЫЙ ЧЕХ, СТАВШИЙ ОФИЦЕРОМ
АРМИИ РОССИИ В 1914 ГОДУ

ПРОДОЛЖЕНИЕ, НАЧАЛО В №№ 2—4/2018

ЧАСТЬ 4. В ШТАБЕ 7-Й АРМИИ И БЕГСТВО ИЗ НЕГО

Вацлав Витачек, выслушав сообщение адъютанта полка о приказе штаба фронта срочно перевести его на службу в штаб 7-й армии, был удивлен и разочарован. Он просил генерал-квартирмейстера фронта Н. Н. Духонина о переводе в Чехословацкую бригаду, но генерал поступил иначе.

Вацлав решил быстрее уехать из пехотного полка, пока приказ не изменили. Он поспешил в обоз за лошадью и сразу отправился с денщиком и коноводом в Бучач, где располагался штаб.

В 7-Й АРМИИ

Шел июль 1917 года — «дни после Зборов». В штабе армии Вацлава Витачека назначили на должность заместителя командира отделения разведки, полковника генерального штаба Бориса Павловича Тарло, латыша по происхождению. Он встретил Вацлава прохладно, как имевшего протекцию Духонина, но в процессе службы их отношения потеплели и стали приятельскими. Полковник Тарло, как и большинство старших офицеров царской армии, был человеком интеллигентным, демократичным с подчиненными, а в делах службы строгим и безупречно порядочным.

Вацлаву выделили трех переводчиков: двух стародружинников из «русских чехов» и словака из пленных, владевшего венгерским языком.

Жизнь в штабе 7-й армии отличалась от жизни в штабе 3-й. После Февральской революции офицерство разделилось на два лагеря. Одна часть, «прогрессивная», заигрывала с революцией в надежде на карьеру в новой армии, особенно в мирное время, после окончания войны. Другая, «консервативная», оставалась верной присяге и офицерской чести. Поскольку теперь один офицер не знал, к какому лагерю принадлежит другой, возникало взаимное недоверие, внеслужебные контакты практически прекратились. Штаб 3-й армии был единой семьей, а штаб 7-й — семьей, разделенной требованиями революции.

ГЕНЕРАЛ В. И. СЕЛИВАЧЕВ. 1916—1917.
Фото из архива Д. Д. Зуева и О. Н. Хлестова, Москва

Витачек оказался здесь вскоре после боя у Зборова, слава которого распространилась по всей армии, поэтому когда он представлялся командующему 7-й армии генерал-лейтенанту В. И. Селивачеву, командовавшему 49-м корпусом у Зборова, то единственным предметом их разговора был этот бой.

Пехотные части отступали, а кавалерия и казаки прикрывали их отступление. В отделении разведки работы было мало. Штаб переместился из Бучача в Гусятин (на восток, 75 км), к реке Збруч, традиционной границе империи с Австрией или Польшей, и расположился в замке графа Голуховского, министра иностранных дел Австро-Венгрии, но ненадолго. Началось новое отступление, переезд в Ярмолинцы, а через несколько дней — в Дунаевцы, 135 км от Бучача. Здесь остановились на месяц.

Витачек занялся исследованием накопившихся документов, изъятых у пленных и убитых. Нашел интересный документ — черновик письма немецкого инженера, который просил отпустить его из армии, так как занимал руководящую должность на заводе, производящем боеприпасы (наполнение снарядов и шрапнели взрывчатым веществом) возле г. Саарбрюккена, и мог бы быть полезен германской армии на этой работе. Витачек немедленно отправил телеграмму с адресом завода во Францию. Через несколько дней французская авиация разбомбила это предприятие. Витачек удивлялся тому, что до него несколько человек читали этот документ и не заметили содержащуюся в нем важную информацию.

Приход войск неприятеля к исторической границе России и невозможность активных действий против них были признаком разложения армии. Витачека это беспокоило все больше. Солдаты не приветствовали офицеров, многие смотрели на них с озлоблением, не выполняли распоряжения. Поручик Владимир Клецанда, двоюродный брат Витачека, применил револьвер, когда комитетчик пытался снять с него погоны в соответствии с приказом.

Вацлав видел, что восстановить порядок в войсках при власти Керенского невозможно, единственным выходом представлялось введение диктатуры. Появились слухи о том, что генерал Л. Г. Корнилов собирает

вокруг себя надежные части, чтобы спасти Россию. Однажды полковник Тарло временно замещал генерал-квартирмейстера армии, а Витачек — его, как командира отделения разведки. У них состоялся разговор о сложившейся ситуации. Полковник откровенно сказал, что силы, на которые мог бы опереться Корнилов, кроме кавказской Дикой дивизии, не надежны. Чехословацкие добровольцы находятся под влиянием своего политического руководства, которое идейно близко к Керенскому, поэтому мало надежды, что они могут выступить во имя спасения России. С таким мнением полковника Вацлав не был согласен.

Штаб армии переместился еще на восток, в город Бар возле Винницы. Получилось, что Витачек отступил с армией от своего окопа под Краковом на 650 километров.

ЗАГАДОЧНАЯ ТЕЛЕГРАММА

В штаб армии Витачеку пришла длинная телеграмма, написанная на английском языке. Она была отправлена ему из Лондона в Киев и подписана Doris Child. В ней пространно сообщалось, что об адресате беспокоятся и настоятельно просят вернуться в Англию. Имя автора Вацлаву не было известно, телеграмма переслана из Киева инженером Мишковским, мужем сестры.

Вацлав перечитывал телеграмму неоднократно, но не мог понять ее смысл и цель: с английскими знакомыми он давно связи не имел. Советовался с полковником Тарло, но безуспешно. На другой день еще раз внимательно изучил текст. В одном месте встречалось слово *tata*: вероятно, должно быть *tatta* («отец», «папа»), но написано как будто по-чешски, с одним *t*. Затем заметил еще в одном предложении чешский оборот речи и подумал, что писал телеграмму, видимо, чех. Поскольку автор обращался к адресату как к отцу, Вацлав понял, что она предназначалась для кого-то другого. Предполагая, что в телеграмме идет речь о важном деле, Витачек решил поехать в Киев и разобраться, кому она адресована.

Он предпринял опасную поездку в товарных вагонах, переполненных вооруженными бандами дезертиров. Утомленный и грязный, ехал в Киев два дня с пересадками и ожиданиями. Остановился у Мишковских, вымылся, сжег завшивленную одежду и начал поиски загадочного адресата. Пошел к своему крестному отцу, знаменитому «чешскому консулу» Откару Червены. Тот посоветовал обратиться к доктору В. Гирсе, который был добрым знакомым Вацлава и когда-то помог ему сохранить ногу.

Доктор Гирса, прочитав чешский перевод телеграммы, сразу сказал, что она предназначена для проф. Т. Г. Масарика и ее следует отнести в филиал Чехословацкого национального совета. Витачек отправился в дом со шпилем у Золотых ворот.

Принял его, как пишет Вацлав, «с высокомерием индийского магараджи» некий профессор Прокоп Макса, о существовании которого до сего момента он не слышал. Вацлав объяснил, как получил телеграмму, с трудом приехал из штаба 7-й армии и пришел к заключению, что прислана она для Т. Г. Масарика. П. Макса куда-то отнес телеграмму и, вернувшись, сказал, что Витачек не ошибся. Вацлав надеялся, что Масарик примет его и поблагодарит: ему очень хотелось лично пообщаться с профессором. Но этого не произошло. Витачек не был подчинен Национальному совету, поэтому к нему больше не проявляли интереса.

Он снова посетил О. Червены и пожаловался ему. Тот ответил, что это, вероятно, недоразумение и что сегодня он будет говорить с Масариком, а Вацлав может прийти вечером для выяснения. Вацлав пришел, и Червены сказал, что телеграмма была очень важной, а послана на имя Витачека из соображений конспирации, чтобы не подвергаться контролю. На основании этой телеграммы Масарик собирается покинуть Россию, а встретятся они завтра утром у Червены.

На следующий день в установленное время Витачек пришел, но Масарик так и не появился. Позже, в 1919 году, Вацлав письменно обратился к Масарику с просьбой объяснить загадку, почему телеграмма была адресована ему и кто в Лондоне имел к нему такое удивительное доверие, но ответа так и не получил.

ПОПЫТКА ПОМОЧЬ КОРНИЛОВУ

После выяснения загадки с телеграммой Витачек в сентябре 1917 года вернулся из Киева в Бар, в штаб армии. Его удивили изменения в мышлении и настроении военных, произошедшие за время его отсутствия. Стало известно, что верховный командующий генерал Л. Г. Корнилов провозгласил себя военным диктатором России. Солдаты стали приветствовать офицеров и выполнять приказы. Вацлав написал: «Видимо, возбужденное миллионное стадо может быть приведено в порядок и подчинено, если появится настоящий мужчина. Им может быть генерал Корнилов, освобожденный из немецкого плена чешским фельдшером Франтишком Мрняком».

Полковник Тарло в беседе высказал надежду на успех Корнилова, сказал, что казаuchy и кавалерийские дивизии настроены прокорниловски. Важно знать, являются ли и чехи его сторонниками: первоклассная чешская пехота могла бы стать ядром, вокруг которого собрались бы остальные.

С согласия полковника Тарло Витачек в тот же день поехал в Киев, чтобы узнать у новых чешских лидеров, пришедших после 3-го съезда Союза ЧС обществ, пошло ли чешское войско за Корниловым, а если не пошло, то помочь это организовать, пока есть время. Если бы в руководстве оставались прежние представители «русских чехов», депутат Й. Дюрих и его сторонники, то сомнений не возникло бы. Предыдущая военная комиссия Союза ЧС обществ, в которую входили знакомые Витачека, инициаторы создания дружины, ставшие помощниками командира бригады (В. Вондрак, Л. Тучек, З. Рейман и другие), была упразднена съездом. К новым руководителям (учителю средней школы Прокопу Максе, не показавшему еще себя в деле, Богдану Павлу, которого Витачек знал с момента пленения, когда А. Тучек и З. Рейман несколько дней уговаривали его вступить в сопротивление) Витачек относился с недоверием, Б. Чермака и Й. Клецанду, жителей Петрограда, он не знал.

«ДОМ СО ШПИЛЕМ» (ОСОБНЯК М. ПОДГОРСКОГО) НА БОЛЬШОЙ ПОДВАЛЬНОЙ, 1 (НЫНЕ ЯРОСЛАВОВ ВАЛ, 1). КИЕВ, 1903–1905. Архитектор Н. Добачевский. Фото Д. Марнов. Почтовая открытка. Музей истории Киева

ПРОКОП МАКСА, ПОЛИТУПНОМОЧЕННЫЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОВЕТА В РОССИИ. ОСЕНЬ 1917. Československá obec legionářská

ПОЛКОВНИК КНЯЗЬ А. Н. ЗРИСТОВ. ИЗ ФОТОАЛЬБОМА «ВЕЛИКАЯ БИТВА
НАРОДОВ И ГЕРОИ ВОЙНЫ». 1914. ЦГАНФД СПб

Масарика Вацлав, с одной стороны, уважал за то, что он, человек молодой, интеллект, вступил в сопротивление и приехал в Россию, когда созданная по инициативе российских чехов бригада уже воевала; с другой стороны, не забыл его довоенную деятельность в качестве главы непопулярной Реалистической партии и автора книги «Россия и Европа», которая, по мнению Витачека, вредила отношениям между чехами и Россией.

По совету Тарло Вацлав должен был до встречи с чешскими представителями посетить в Киеве генералов: князя А. Н. Долгорукова, командовавшего ранее царскими гвардейцами, и князя А. Н. Эристов, бывшего командира гвардейской кавалерии. Встреча состоялась в Киеве в отеле «Континенталь». Долгоруков откровенно сказал, что это доброе намерение не имеет шансов на успех: все прошлые попытки вовлечь чехов оказались неудачными, войско могло бы пойти, но политическое руководство принадлежит к сторонникам Керенского. Но попробовать стоит: может быть, удастся сделать то, чего не смогли другие. Мнение князя Долгорукова было еще более категоричным: положение катастрофическое, Россия потеряна.

После встречи с генералами Витачек отправился в филиал Чехословацкого национального совета. Его принял П. Макса, выслушал и ушел советоваться с кем-то. Вернувшись, изложил ответ — позицию тех, кто руководил филиалом: «Чехословацкое войско не уклоняется от исполнения приказов высшего российского руководства. Если генерал Корнилов будет официально признан верховным главнокомандующим, то чехословаки будут выполнять его приказы».

Такой ответ потряс Витачека. Он воспринял сказанное как признак того, что «бесхребетные чехословаки будут кланяться тому, кто у власти». Вероятно, он не осознавал или не знал, что Масарик строго требовал не вмешиваться во внутренние дела империи, вести себя как нейтральное иностранное войско, временно пребывающее в стране.

Потрясенный неудачей, Вацлав брел по Крещатику в сторону Днепра. С тяжелыми мыслями дошел он до парка, расположенного высоко над рекой, на Владимирской горке, сел у памятника князю Владимиру. Вид был захватывающий: внизу Днепр катил свои воды, в них тысячу лет назад крестили народ Руси и связали его с византийской культурой, за широкой речной гладью простирались необозримые равнины, где-то справа виднелся поселок Дарница, за которым в лесу был разбит лагерь военнопленных. В то время это была Черниговская губерния, территория нынешней Украины.

В этом священном месте Вацлав размышлял над тем, куда идти дальше. Пришел к выводу, что надо любой ценой вернуться в чехословацкое войско, вступить в контакт со старшими офицерами, своими друзьями. Он знал, что офицером в самом высоком ранге был генерал Я. Червинка, который ведал службой принятия и обучения добровольцев из пленных, находившейся на ул. Жиланской, недалеко от вокзала, куда они прибывали. Витачек изложил генералу свою просьбу о вступлении в войско. Оказалось, что он не может помочь, так как Вацлав не военнопленный, не гражданский доброволец, а офицер российской службы. Надо обратиться к политическому руководству в филиал национального совета.

Он снова пошел туда, теперь уже со своей личной просьбой. Его направили к тому же профессору П. Максе. Ответ был кратким: «Мы не можем тебя принять: ты для нашего войска слишком мало демократичен». Заметим, что Вацлав был сторонником царизма в России и монархического устройства будущей самостоятельной Чехии.

Ответ Мансы поразил Вацлава до глубины души, его охватил безграничный гнев: новыми правителями, выходцами из военнопленных, пришедшими к власти после Третьего съезда Союза ЧС обществ в 1917 году, он был низложен и отстранен, как и другие честные чехи из стародружинников, целью которых было освобождение чешского народа. Витачек был возмущен тем, что его судьбу решали люди, которые после начала войны долго раздумывали, к кому примкнуть, в то время как он уже воевал и проливал кровь. Стало ясно, что в чехословацкое войско его не возьмут. С сожалением и озлоблением в сердце вернулся он в штаб 7-й армии.

КИЕВ, УЛИЦА НИКОЛАЕВСКАЯ (НЫНЕШНЯЯ УЛ. АРХИТЕКТОРА ГОРОДЕЦКОГО). СПРАВА — ОТЕЛЬ «КОНТИНЕНТАЛЬ». 1900—1905. ПОЧТОВАЯ ОТКРЫТКА. Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, USA

КИЕВ, ВЛАДИМИРСКАЯ ГОРКА. ПАМЯТНИК СВ. ВЛАДИМИРУ. ПОЧТОВАЯ ОТКРЫТКА. DETROIT PUBLISHING COMPANY, 1905. Library of Congress Prints and Photographs Division Washington, USA

А 1 сентября завершился мятеж генерала Корнилова. Его арестовали; генерал Крымов, по одним сведениям, застрелился, по другим — был убит Савинковым перед дверью кабинета Керенского. Вопрос о чехословацкой помощи отпал.

БЕГСТВО ИЗ ШТАБА АРМИИ

После провала выступления генерала Корнилова надежды на спасение армии угасли. Власть постепенно переходила в руки большевиков. Они вели себя лояльно в отношении офицеров штаба, даже повысили денежное содержание. Когда Вацлав без страха выступал перед ними, его не останавливали.

Пришло сообщение, что в Петрограде большевики свергли Временное правительство. Объявили приказ о запрете ношения офицерами погон. Ежедневно собирался совет рабочих и солдатских депутатов. Вацлаву, по его словам, хотелось бросить в них гранату, но останавливало присутствие офицеров, заседавших с ними.

Войска противника приближались, надо было быть готовым к бегству. Витачек заготовил себе документы на имя рядового писаря. Их подписал полковник Тарло, и вскоре онигодились.

В Баре жил чех-мясник с семьей. Раньше Вацлав ходил к нему по вечерам в гости вместе со своими переводчиками, а теперь один: переводчики ушли в чешское войско. Прощаясь, они спросили Вацлава, когда и он уйдет. Ему было стыдно признаться, что командование чехословацкого войска его отвергло.

Поздно вечером он шел домой от мясника и встретил большевистского комиссара, раньше прислуживавшего в офицерской столовой. Тот, желая продемонстрировать свою власть, начал отчитывать Вацлава за хождение по улицам в поздний час — и получил от него мощный удар, сваливший его на землю.

Придя домой, Витачек рассказал денщику Котову об этом инциденте. Решили, что надо бежать, пока не поздно. Вацлав распрощался со своими солдатами, денщиком и коноводом, пошел пешком в солдатской одежде к станции, стараясь избегать патрулей. При себе он имел две гранаты и пистолет. До железной дороги добрался еще до рассвета. К его счастью, пришел поезд, состоявший из теплушек и направлявшийся в сторону Киева. Вацлав влез в вагон, протиснулся между спящими на нарах дезертирами и вскоре заснул «сном праведника», как он записал.

Вдруг его грубо разбудили. Был уже день. «Товарищи» смотрели на него враждебно. Спросили, кто он, куда едет. Он ответил, что был писарем в штабе армии и едет домой в Киев. Потребовали документы — показал. Отошли в другой конец вагона, шептались еще с кем-то. Вацлав лег, сделал вид, что спит. Вскоре «товарищи» вернулись, потребовали встать и заявили примерно следующее: «Ты нам не нравишься. Мы тебе тоже не нравимся. По документам ты рядовой, а руки и физиономия у тебя офицерские. Может быть, ты и писарь. Для выяснения выкинем тебя из вагона». Это были люди деятельные: раскрыли пошире двери теплушки, взяли его за руки и ноги, раскатали и выбросили на ходу из поезда. Вацлав повернулся в воздухе (кавалерист и футболист, он был привычен к падениям) и приземлился на склон железнодорожной насыпи, покрытый густой засохшей травой. Руки были исцарапаны, в спине чувствовалась боль, но он был доволен, что все так закончилось.

Вацлав медленно и тяжело брел пешком. Подумал, что, возможно, выбрасывание из вагона спасло ему жизнь, ведь из штаба могли телеграфировать, чтобы его задержали и расстреляли за ту стычку с комиссаром. Стараясь обходить маленькие станции, он добрался до Жмеринки, где наткнулся на украинский патруль, был задержан и доставлен к офицеру. Вацлав рассказал ему о себе правду и получил разрешение на проезд в Киев.

День прождал поезда, затем долго ехал. В вагоне было холодно. Паде-ние давало о себе знать, болели внутренние органы.

В Киеве вышел из вагона обессиленным, с трудом добрался на Шуляв-ку к Мишковским.

В РОДИТЕЛЬСКОМ ДОМЕ

Утомленный и больной, Витачек поселился у Мишковских, а точнее — в отцовском доме, расположенном на территории завода Грете-ра и Кри-ванека за высоким забором, отделявшим его от Брест-Литовского шоссе. К заводу примыкали жилые районы Шулявка и Дачи за Шулявкой. В них проживали чехи, с которыми Вацлав теперь мог общаться. Пребывание в семейном кругу и забота сестры помогли ему восстановить здоровье.

Витачек пишет, что на протяжении нескольких дней после его приезда в Киеве было тихо. Заметим, что тихо было на неработающем «гретеров-ском» заводе, в доме и во дворе за высоким забором, в 10 километрах от центра города. А там шла совсем другая жизнь.

У власти находилась Центральная Рада во главе с председателем М. М. Грушевским. Она провозгласила IV универсал об отделении от советской России, поскольку, оставаясь автономией, Украина не могла бы быть субъектом международного права.

В распоряжении Центральной Рады имелось четыре полка и три ку-рения (батальона), а также десять сотен и отрядов разных политических группировок и предприятий (роты), которые имели свои собственные цели и интересы. Политические противоречия углублялись. 29 января больше-вистская организация рабочих завода «Арсенал» предъявила Центральной раде требование передать власть советам. Начался военный конфликт, известный как январское восстание ■

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ